

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ОБРАЗЫ РОМАНА ТОЛСТОГО “АННА КОРЕНИНА”

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7234781>

ELSEVIER

Курбанова М.О.

доктор философии по филологическим наукам,

Мамадалиева Ноила

Зуфарова Хуршида

магистранты ФерГУ.

Фергана,

Узбекистан.

Received: 21-10-2022

Accepted: 20-10-2022

Published: 22-10-2022

Abstract. Данная статья посвящается портретов второстепенных героев в романе Л.Н.Толстого “Анна Каренина”, которые манифестируют идею духовности с отрицательными оттенками и тем же показываются особенности портретов писателя гения - связь каждого малейшего штриха с идейными установками.

Keywords: Галерея, портрет, герой, манифест, незаурядность, безжизненность, пустыней, особенность, перспективы, жизни, карьера, сигнал, сопоставление, величие, уважение, нравственным, идеалом, жизни...

About: FARS Publishers has been established with the aim of spreading quality scientific information to the research community throughout the universe. Open Access process eliminates the barriers associated with the older publication models, thus matching up with the rapidity of the twenty-first century.

Крупнейший социальный роман в истории классической русской и мировой литературы – «Анна Каренина» – имеет в самом существенном, а именно в идейном обогащении первоначального замысла, типическую для больших произведений великого писателя творческую историю. Роман был начат под непосредственным воздействием Пушкина.

В нашей статье рассматриваются портреты второстепенных героев романа «Анна Каренина» с позиции их роли в идейной структуре произведения. Галерея тех портретов второстепенных героев, которые манифестируют идею бездушия, нам кажется, что и работает и на образ Анны Карениной, создавая огромную пропасть между внутренним светом героини, её искренностью, незаурядностью, жадной, полнотой жизни и той мёртвой, безжизненной пустыней, где нет добра, любви, красоты, для которых Анна была создана. В одной из сцен, пребывания семьи Щербацких за границей, есть описание больного живописца- Петрова. Кити вспоминает, «худую-худую фигуру Петрова с его длинной шеей, в его коричневом сюртуке; его редкие вьющиеся волосы, вопросительные, страшные... голубые глаза...». Так ли нам важно знать, как выглядит этот человек? Это может быть оправданно с точки зрения создания общего фона. Но особенность портретов Толстого - связь каждого малейшего штриха с идейными установками. Кити, отказав Левину, делает, как ей тогда казалось, выбор в пользу «блестяще-счастливой» перспективы жизни с человеком, которому предначертана яркая военно-придворная карьера, а соответственно, это выбор в пользу светского

лоска. Во время поездки за границу в Кити происходит душевный переворот. Например, она начинает всё больше сходиться с простыми людьми. Значит, портрет Петрова служит сигналом этого изменения в героине. Кити становится всё ближе и ближе к Левину.

Внешний облик купца Рябинина предсказывает истинный характер его сделки со Степаном. У героя «выдающийся подбородок», «выпуклые мутные глаза», «ястребиное, хищное, жестокое» лицо, Рябинин протягивает Степану Аркадьевичу руку, «как бы желая поймать что-то», говорит с «презрительным достоинством». Здесь желание нажиться, обмануть, предать, стремление к выгоде, которую он в итоге и получает. Когда Левин идёт делать Кити предложение, до этого от счастья не спав несколько ночей, его приподнятым состоянием преображается всё вокруг: прелестен извозчик, необычны сани, удивительно хороша лошадь. Левин замечает «старческие милые глаза» швейцара. Психологическое состояние Левина проецируется на всех окружающих, всё в глазах героя становится таким же радостным, как и он в данную минуту.

Подобный пример роли портретов второстепенных персонажей мы находим в конце романа: «... взглянув на краснощёкого мужа и худую жену, она (Анна - Л.З.) поняла, что болезненная жена считает себя непонятой женщиной, и муж обманывает её, и поддерживает в ней это мнение о себе». Такое гипертрофированное восприятие Анны является следствием её состояния. Анна чувствует себя покинутой Вронским, отсюда и «болезненная жена» ассоциативно связывается с подобным положением, где муж олицетворяет самодовольство, весёлую, ничем не омрачаемую жизнь.

Углубление образов главных героев за счёт портретов второстепенных персонажей часто происходит на основе использования Толстым яркого контраста. Усилить переполнявшее Левина счастье от встречи с Кити на катке, призваны портретные описания людей в трактире, являющиеся полным контрастом к «чистоте» героя. Облонский что-то говорит «раскрашенной, в ленточках, кружевах и завитушках француженке...». Мы видим «старого белесого татарина с широким тазом и расходившимися над ним фалдами фрака». Для Левина это было мерзко и оскорбительно, «он боялся запачкать то, что переполняло его душу». С точки зрения сопоставления интересен портрет Вареньки, которая всем своим видом напоминает отцветший цветок, в то время как Кити является олицетворением молодого цветка, полного жизни. Портретные характеристики Кознышева подкрепляют отношение Левина к своему брату, показывают, как братья по своим воззрениям и наклонностям далеки друг от друга. У Сергея Ивановича «ласково-холодная улыбка», которая никак не выражает истинного состояния,

это попросту его «притворное дружелюбие», нормой для героя становится игра напоказ. Портретные детали в образе Кознышева говорят о «недостатке силы жизни, того, что называют сердцем», того, что так много было в его брате.

Перед самой гибелью Анны следует такая портретная зарисовка: «... кучер Михаил, румяный, веселый, в синей щегольской поддѣвке и цепочке, очевидно гордый тем, что он так хорошо исполнил поручение, подошёл к ней (к Анне - Л.З.) и подал записку». Радужное описание артельщика подчёркивает, что все живут своей жизнью. Анна оказывается одинока в своём горе, никому нет дела до бед и страданий других людей. И смерть героини тоже ничего не изменит, жизнь будет продолжаться, и для многих она по-прежнему будет наполнена эгоистическими устремлениями и удовольствиями. На выборах Левин встречает губернского предводителя: «Выражение его лица и всей фигуры в мундире, крестах и белых с галунами панталонах, как он торопливо шёл, напомнило Левину травимого зверя, который видит, что дело его плохо. Это выражение в лице предводителя было особенно трогательно Левину, потому что вчера только он по делу опеки был у него дома и видел его во всем величии доброго и семейного человека. Большой дом со старой семейной мебелью; нещеголеватые, грязноватые, но почтительные старые лакеи, очевидно еще из прежних крепостных, не переменявшие хозяина; толстая, добродушная жена в чепчике с кружевами и турецкой шали, ласкавшая хорошенькую внучку, дочь дочери; молодчик сын, гимназист шестого класса, приехавший из гимназии и, здороваясь с отцом, поцеловавший его большую руку; внушительные ласковые речи и жесты хозяина - всё это вчера возбудило в Левине невольное уважение и сочувствие». Посредством портрета Толстой противопоставляет образ человека, занимающего государственный пост и его же, но в кругу родной семьи - «травимый зверь» и «величие доброго и семейного человека». Недаром Толстой рисует ещё портреты жены, сына, внучки, лакеев губернского предводителя. Их внешность, оваянная добром, теплотой, трепетное отношение друг к другу говорят об искренности, непреходящих ценностях этой семьи.

Отнюдь не вечной была должность этого человека в искусственном обществе. Но величие и уважение в родной семье оказываются в стократ важнее, чем общественное признание.

Здесь заключена важнейшая мысль Толстого: настоящая душевность и сердечность семейных отношений являются нравственным идеалом жизни, чему противопоставлена бездушность общества, живущего инстинктами и жаждой наживы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 352 с.
2. Черняк, М.А. Массовая литература XX века / М.А. Черняк. – М., 2008.
3. Черняк, М.А. Современная русская литература / М.А. Черняк. – М., 2008.
4. Халипов, В. Постмодернизм в системе мировой культуры / В. Халипов // Иностранная литература. – 1994. – № 1.
5. Маймин, Е. Опыты литературного анализа / Е. Маймин. – М., 1972.
6. Курбонова М.О. Aesthetical and philosophical views in the hermeneutical features of the independence poems. Восточный журнал социальных наук. Том 2, выпуск №05. <https://www.supportscience.uz/index.php/ojss/article/view/284>